

© 1990 г.

Г. Е. Марков, Т. Д. Соловей

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

**(К 50-летию кафедры этнографии
исторического факультета МГУ)**

Традиция преподавания этнографии в Московском университете имеет давнюю историю. К 1860-м годам относится начало деятельности Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, а в 1884 г. под руководством Д. Н. Анучина была открыта кафедра географии и этнографии, и тогда же его усилиями основан небольшой, но хорошо оборудованный университетский музей антропологии, археологии и этнографии. Научные идеи Д. Н. Анучина оказали исключительно большое влияние на дальнейшее развитие науки о народах. В своих исследованиях он обосновал концепцию так называемой «триады» — необходимость объединения усилий трех наук: антропологии, археологии и этнографии. Это учение имело многих последователей и не утратило значения до наших дней. Д. Н. Анучин определял науку о народах как «этнологию», включавшую соединение «общей этнологии или истории первобытной культуры» и различных отделов частной этнографии или народоведения «по группам народностей и по сторонам народной жизни»¹.

В предреволюционное время сложилось первое московское поколение этнографов, в числе которых были ученики и сторонники Д. Н. Анучина — Б. А. Куфтин, В. В. Бунак, Я. Я. Рогинский, М. А. Гремяцкий и многие другие.

Исключительно насыщенной бурными научными событиями была эпоха первых полутора десятков лет послереволюционного времени. Она характеризовалась интенсивной научной деятельностью, теоретико-методологическим плюрализмом, широким обращением к теории. Значительное развитие получило в этот период этнографическое образование в Московском университете. К сожалению, в существующей историографии это важное для отечественной этнографии время почти не исследовано и мало отражено в публикациях.

Возобновляя прерванную в годы революции традицию, Д. Н. Анучин продолжал в университете чтение лекций по этнографии на кафедре географии физико-математического факультета, а в 1919 г. основал кафедру антропологии, на которой читался цикл лекций по этнографии. Лекционные курсы включали проблемы общей теоретической этнологии и региональные вопросы этнографии. Большой популярностью пользовались, в частности, лекции Б. А. Куфтина, излагавшего слушателям огромный фактический материал по этнографии, на основе которого делались широкие теоретические обобщения. Одновременно начала разветвляться полевая этнографическая работа, продолжался сбор коллекций для университетского музея антропологии, археологии и этнографии. Экспедиционная деятельность была посвящена главным образом, как

тогда было принято говорить, «палеоэтнологическим» проблемам. После смерти Д. Н. Анучина в 1923 г. его место занял В. В. Бунак, продолжавший развивать идеи об этнологии как составной части антропологии или естественной истории. В числе первых советских этнографов, выпускников кафедры, были многие впоследствии видные ученые и профессора — С. П. Толстов, М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, С. А. Токарев и др.

В значительной мере иным, чем на кафедре антропологии, был подход к науке о народах на созданном в 1919 г. факультете общественных наук I МГУ и образованном при нем в 1922 г. Этнолингвистическом отделении с кафедрой этнологии и социологии (с 1923 г. кафедры этнологии)². Это выражалось в стремлении включить этнологию в состав гуманитарных дисциплин. В 1922—1924 гг. на кафедре этнологии факультета общественных наук преподавали штатные профессора Ю. П. Денике, П. Ф. Преображенский, А. Д. Удальцов, В. К. Никольский, внештатные сотрудники А. Н. Максимов, В. Н. Харузина, которая читала лекции по этнографии «малокультурных народов» и вела семинар «Методы изучения обрядов»³⁻⁴. Несколько позднее на кафедре начал педагогическую деятельность М. О. Косвен.

Что касается теоретических и методологических установок, то у этнологов того времени они были чрезвычайно многоплановыми и во многом восходили к дореволюционным. Так, к примеру, В. Н. Харузина была последовательным представителем эволюционистского направления. Б. А. Куфтин тяготел к новейшим западным этнологическим теориям. Довольно эклектичными были позиции П. Ф. Преображенского, в которых соединялись основы культурно-исторического учения и некоторые марксистские подходы. Материалистическими, хотя и не марксистскими были интереснейшие теоретические обобщения, а также эмпирические исследования А. Н. Максимова. Наиболее последовательно придерживался марксистских взглядов один из старейших советских этнографов П. И. Кушнер (Кнышев), опубликовавший в 1924 г. книгу «Очерк развития общественных форм», рекомендованную в качестве учебного пособия для гуманитарных вузов⁵. В ходе борьбы за утверждение марксистской методологии на Этнолингвистическом отделении было введено преподавание курса «Развитие общественных форм» и предполагалось превратить его в самостоятельную науку, включающую изучение экономических явлений, семейно-брачных отношений, отношений власти, идеологию. Это новое направление, получившее широкий восторженный отклик среди рабфаковской молодежи, было поддержано также В. К. Никольским и М. О. Косвеном⁶. Однако вследствие расплывчатости поставленных задач и нечеткости методологических установок самостоятельной науки из этой дисциплины не получилось.

Период с середины 1920-х до первой половины 1930-х годов включительно был начальным в становлении советской этнографии как марксистской науки, именно тогда стал очевиден уклон в сторону эклектики и догматизма, что было хорошо заметно на примере концепции «развития общественных форм». Научные исследования этого времени сосредотачивались главным образом вокруг вопросов и проблем социальных отношений и их преобразования в ходе революции и создания советского общества. Значительное внимание уделялось также историко-этнографическим исследованиям отдельных народов.

Деятельность кафедры этнологии этнолого-лингвистического отделения факультета общественных наук I МГУ разворачивалась по линии увеличения многопредметности. Постепенно этнология стала претендовать на некий широчайший междисциплинарный подход к исследованию истории человеческой культуры, объединявший целый ряд гуманитарных дисциплин, включая гражданскую историю. Однако возможности кафедры, входившей в состав факультета общественных наук, оказались в этом отношении ограниченными, и в результате в 1925 г. в МГУ был создан этнологический факультет, состоявший из четырех отделений: этнографического, литературного, изобразительных искусств, историко-архивного, а также археолого-этнографического музея (заведующий

А. И. Некрасов) и историко-этнологического кабинета (заведующий П. Ф. Преображенский) ⁷.

В задачу факультета входила, в частности, подготовка высококвалифицированных работников в области истории, археологии, этнографии, литературоведения и искусствознания. Факультет был призван также готовить практических работников: музейных сотрудников, редакторов издательств, литературных критиков, работников архивов, а также «специально подготовленных культурных и политпросветработников для национальных меньшинств» ⁸. Целевая установка этнографического отделения этнологического факультета, как следовало из доклада члена президиума отделения проф. П. Ф. Преображенского, состояла в подготовке профессиональных этнографов и этнологов, исследователей культуры народностей, населяющих СССР, практических работников для «обслуживания культурных нужд национальностей СССР на местах» (этнографов, краеведов, музееведов и т. п.). «По своим целям отделение должно было подготовить специалистов для обслуживания культурно-просветительских и хозяйственных нужд населения в соответствии с его культурными особенностями» ⁹.

Этнографическое отделение делилось на циклы: славянских, тюркских, угро-финских, романо-германских, кавказских народностей и языков. Две ведущие кафедры отделения — кафедра этнографии и кафедра общей этнологии — возглавлялись соответственно профессорами А. Н. Максимовым и П. Ф. Преображенским. Как следует из отмеченных выше целевых установок, междисциплинарный подход, лежавший в основе всей научно-педагогической деятельности факультета, имел основной целью готовить уникальных специалистов, сочетавших узкую специализацию с широким гуманитарным кругозором. Это свидетельствовало об ориентации на историзм и фундаментальную теоретическую подготовку будущих специалистов.

Достижением этнологического факультета I МГУ являлась также тесная увязка этнографических дисциплин с историческими предметами, что стало в послевоенные годы одним из основных принципов деятельности кафедры этнографии МГУ. Положительное значение «историзации» этнографии отмечалось, в частности, в резолюции Совещания этнографов Москвы и Ленинграда в 1929 г. ¹⁰

В том же году вышел в свет первый в советское время учебник «Этнология», автором которого был П. Ф. Преображенский. В значительной мере он отразил методологические установки ряда преподавателей и научных работников, выражавшиеся, с одной стороны, в стремлении «историзации» этнологии, а с другой — в эклектичном соединении некоторых марксистских установок с буржуазными концепциями начала XX в. Но для своего времени этот учебник несомненно сыграл положительную роль в деле подготовки молодых специалистов, а в некоторых отношениях не утратил значения и до наших дней.

Но уже к концу 1920-х годов деятельность этнологического факультета стала вызывать все большие нарекания со стороны партийного руководства «за недостаточную марксистскую ориентацию». Кроме того, факультет, очевидно, справедливо, обвинялся в отсутствии четких целевых профессиональных установок, вследствие чего работники «культурного фронта», которых он готовил, не всегда имели конкретную специальность. Помимо этого, этнологический факультет не занимался в должной мере подготовкой педагогов, что также снижало его прикладное значение. В «Истории Московского университета» приводится такой любопытный факт: в 1930 г. группа выпускников этнологического факультета обратилась в Наркомпрос с письмом, в котором ставился вопрос об организации для них дополнительных занятий, так как «выпускники не имеют практической специальности» ¹¹.

В комплексе причин, обусловивших недостатки деятельности этнологического факультета I МГУ, можно назвать и некоторые другие, весьма существенные. Так, предполагавшийся междисциплинарный подход, многопредметность, уклон в сторону сложных теоретических дисциплин, лежавших в основе научно-педа-

гогической деятельности факультета, в соединении с обширными прикладными задачами могли быть реализованы только при наличии необходимого количества достаточно квалифицированных педагогических кадров, программ и учебников и, что особенно существенно, достаточно высокого общеобразовательного уровня слушателей, необходимого для восприятия идей и дисциплин, преподававшихся на факультете. Но ни одно из этих условий в полной мере обеспечено не было. Высокообразованных педагогов, представителей старой школы, было совершенно недостаточно, при пополнении же преподавательских кадров внимание обращалось главным образом на партийную принадлежность, зачастую без учета профессиональной подготовленности, что наносило существенный ущерб качеству преподавания¹². Делу подготовки собственных преподавательских кадров, казалось бы, мог в значительной мере способствовать институт аспирантуры, созданный в I МГУ еще в 1923 г. Но постепенная его реорганизация в сторону все меньшей индивидуализации аспирантских планов, создание в 1927 г. института студентов-выдвиженцев, обеспечивавшего прямую дорогу в аспирантуру не по способностям, а по анкетным данным, сводили на нет ее значение в деле подготовки действительно квалифицированных преподавательских и исследовательских кадров.

Те же принципы отбора действовали и в отношении студентов. Кроме того, рабфаки, призванные дать поступающим в университет необходимый общеобразовательный кругозор, обеспечивали главным образом лишь некоторый минимум общественно-политических сведений в ущерб глубокому знанию истории и других предметов. В результате студенты не справлялись с учебной нагрузкой, а потому возможность подготовки квалифицированных кадров и реализация целевых установок этнологического факультета оказались весьма проблематичными.

Студенты, не имевшие возможности выдвинуться на учебном или научном поприще, направляли свою энергию в русло общественно-политической деятельности. В 1930-е годы университетское студенчество превратилось уже в значительную силу в борьбе с «буржуазной» профессурой и со всяким проявлением инакомыслия. Умело направляемое, оно наносило удары то по троцкизму, то по «гнилому либерализму», то по «меньшевистствующему идеализму». В конце 1920-х годов общественно-политическая деятельность студентов I МГУ реализовалась в создании ячейки содействия обществу историков-марксистов. Среди протоколов ячейки содержится документ о работе марксистского этнографического кружка I МГУ в 1929/30 г. Кружок этот был одним из первых в университете и самым многочисленным (насчитывал более 60 человек). Основная задача кружка формулировалась как «борьба за марксистскую методологию в этнографии». Его работа проходила в восточнославянской, кавказской, среднеазиатской, угро-финской секциях и на секции яфетической теории. На заседаниях кружка в числе прочих были «проработаны» доклад В. К. Никольского «Основные направления в этнологии на Западе» и учебник П. Ф. Преображенского «Курс этнологии», подвергшийся осуждению. Предполагалось еще провести диспуты на темы «Марксизм и этнология», «О первобытной коммунистической формации» и заслушать доклад о яфетической теории¹³. На обсуждение выносились, таким образом, сложнейшие теоретико-методологические проблемы этнографической науки. Но недостаточная подготовленность аудитории едва ли давала возможность компетентного научного обсуждения рассматриваемых вопросов.

В условиях резко обострившейся политизации науки судьба этнологического факультета с его плюралистическими теоретическими установками и преподавательским составом, включавшим «буржуазных» профессоров, была предопределена. В 1931 г. этнологический факультет перестал существовать. В середине 1930-х годов был арестован и погиб в заключении П. Ф. Преображенский.

Можно полагать, что при наличии определенных благоприятных условий замысел, воплощенный в этнологическом факультете, мог дать положительные

результаты. Но на рубеже 20-х и 30-х годов был нанесен удар по исторической науке, и этнологический факультет попал в числе прочих под коренную реорганизацию всей системы университетского образования. В короткий срок была прервана связь с мировой наукой, уничтожен существовавший в 20-е годы теоретико-методологический плюрализм и установлено безраздельное господство вульгаризированной догмы. Да и вся этнографическая наука вышла из полосы дискуссий конца 20-х — первой половины 30-х годов в значительной степени обедненной. Этнология была объявлена буржуазной «лженаукой» и отменена, а наука о народах получила название «этнография», что порождало и порождает недоразумения при контактах с представителями зарубежной науки, рассматривающей этнографию главным образом как эмпирическую отрасль, имеющую задачей собирание и описание конкретного материала. Предмет этнографии низводился до изучения пережитков первобытнообщинного строя методом этнографического наблюдения. В. В. Струве в программной статье «Советская этнография и ее перспективы» писал: «Она (этнография.— Г. М., Т. С.) в первую очередь изучает те общества, которые не переросли в нацию, пребывая еще по существу на стадии первобытнообщинного строя или раннеклассового общества»¹⁴.

В результате настоящего погрома, учиненного в гуманитарных науках на рубеже 20-х и 30-х годов, преподавание истории и этнографии в Московском университете на несколько лет было прервано. Только после постановления 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР» началось восстановление исторического факультета, однако прошло еще немало лет, пока было возобновлено этнографическое образование.

В 1939 г. в значительной мере по инициативе уже тогда известного историка, востоковеда, археолога и этнографа С. П. Толстова в составе исторического факультета была создана кафедра этнографии. Последователь Д. Н. Анучина, С. П. Толстов направил педагогическую и научную деятельность кафедры по историко-этнографическому руслу, придерживаясь комплексного подхода на основе этнографических, археологических и антропологических исследований. Важным следствием этого была ориентация этнографического образования в МГУ на практические и общетеоретические задачи.

Студенты-этнографы получали наряду с фундаментальными теоретическими знаниями по истории первобытного общества и региональной этнографии народов мира также капитальную общесторическую подготовку, как и все остальные учащиеся исторического факультета. При общей ориентации сотрудников кафедры и студентов на научно-исследовательскую деятельность ее практическая работа направлялась главным образом на изучение традиционной этнографии, прошлого народов мира, современные же этнографические процессы не привлекали в то время сколько-нибудь заметного внимания. В преподавании сохранялись и некоторые традиции 1920-х годов. Так, в курсе лекций по общей этнографии С. П. Толстов до середины 1940-х годов уделял значительное внимание изложению теоретических положений культурно-исторической школы, не подвергая их, как впоследствии, серьезной критике. Исключительно большое влияние на развитие кафедры этнографии оказал яркий талант С. П. Толстова как лектора и ученого. Сочетая широкое владение фактическим материалом с удивительной способностью в увлекательной форме излагать его и ставить серьезнейшие научные проблемы, он в течение многих лет определял как направление всей этнографической науки, так и деятельность кафедры. Сильный импульс развитию исследований дал опубликованный С. П. Толстовым уже после войны труд «Древний Хорезм», вышедший в издательстве Московского университета в 1948 г.

Уже в предвоенные годы сотрудниками кафедры были достигнуты немалые успехи в области теоретических и эмпирических исследований. С. П. Толстов разрабатывал главным образом общие проблемы этнографии и археологии Средней Азии. Большое внимание он уделял вопросам истории первобытного об-

щества, принципам его периодизации. С. П. Толстов отстаивал первичность и универсальность материнско-родовой организации и считал возможным предполагать непосредственный переход от нее к классовому обществу, минуя патриархальный род. В 1941 г. профессор кафедры А. М. Золотарев¹⁵ завершил капитальный труд «Дуальная организация первобытных народов и происхождение дуалистической космогонии (исследование по истории родового строя и первобытной мифологии)», основанное на обширном фактическом материале по народам Америки, Австралии, Океании, Южной и Юго-Восточной Азии, Европы и Сибири. Работа содержала ряд фундаментальных выводов о дуально-экзогамной организации в ранней истории человечества. М. О. Косвеню были предприняты исследования по истории материнской организации, получившие завершение в послевоенное время¹⁶. Ему же принадлежит заслуга в популяризации трудов Ф. Энгельса и Л. Г. Моргана. Проблемам хозяйства и общественного строя ряда народов Сибири (якутов, горных алтайцев и др.) были посвящены публикации С. А. Токарева, указывавшего на необходимость комплексного использования в исследованиях полевых этнографических материалов и письменных источников¹⁷. Таким образом, в научной работе кафедры сочетались исследования в области ранней истории человечества с реконструкциями периода предклассового общества.

Начиная с 1939 г. стала складываться учебная программа кафедры, получившая первоначальное оформление в послевоенные годы и являющаяся в известной мере основой, на которой строится подготовка молодых специалистов и в настоящее время. Ее основные принципы состоят в сочетании изучения региональной этнографии и истории первобытного общества с общетеоретической подготовкой.

В годы Отечественной войны преподавание этнографии и особенно полевая этнографическая работа были в значительной мере свернуты. Но уже в первые послевоенные годы усилиями С. П. Толстова и преподавателей кафедры — Н. Н. Чебоксарова, С. А. Токарева, М. О. Косвена, Б. И. Шаревской, Е. М. Шиллинга — научная, преподавательская и экспедиционная деятельность получила на кафедре дальнейшее развитие. Еще более укрепилось принятое до войны историко-этнографическое направление, сочетавшее предметы общемировой и региональной этнографии с первобытной. При этом научная деятельность кафедры находилась в тесном взаимодействии с учебным процессом и всей научной ориентацией исторического факультета. Начиная с тех лет и до наших дней преподаватели кафедры читают для всех студентов I курса факультета общую этнографию (первым ее читал С. П. Толстов, затем в разные годы — Н. Н. Чебоксаров, С. А. Токарев, К. И. Козлова, Л. П. Лашук, Г. Е. Марков) и историю первобытного общества (М. О. Косвен, К. И. Козлова, Л. П. Лашук, Г. Е. Марков).

Общественно-историческая подготовка этнографов, как и сегодня, включала все курсы, которые предназначены для студентов-историков, от истории древнего мира и до новейшей истории СССР и зарубежных стран, а также участие наряду со специальными этнографическими в семинарах по гражданской истории.

Большое значение для углубления фундаментальных знаний молодых специалистов имел переход исторического факультета в 1944/46 г. к пятилетнему сроку обучения. Это заставило преподавателей кафедры вновь обратиться к учебным программам, частично пересмотреть концепцию этнографического образования и принципы специализации. В отношении последних было принято решение, согласно которому выпускники кафедры по окончании университета получают диплом историков, хотя и с уклоном в этнографическую специализацию. Это давало определенные преимущества, так как при наличии известных трудностей с предоставлением работы по узкой специальности выпускники кафедры могли работать во всех учреждениях, где требовалось историческое образование. С общеисторическим направлением образования был связан и вопрос о времени начала специализации. Разумеется, в целях совершенствования

собственно этнографического образования она была бы необходима уже с первого курса. Но это практически было невозможно сочетать с исторической подготовкой из-за чрезмерной учебной перегрузки студентов, к тому же распределение студентов на кафедру уже с первого курса имело бы следствием необходимость предоставления выпускникам кафедры работы только по этнографии, что по указанным причинам было не всегда достижимо. Поэтому был принят общий для факультета порядок специализации с III курса. Однако, чтобы все же расширить возможности для этнографического образования, а также стимулировать приход на кафедру увлеченных этнографией студентов, был найден путь факультативной специализации начиная со II курса, с поездкой после его завершения в экспедицию. Этот принцип оказался весьма удачным и при большом наплыве желающих специализироваться по этнографии позволил отбирать студентов, наиболее интересующихся наукой о народах.

Уже в первые послевоенные годы по инициативе «старшего» поколения сотрудников кафедры был разработан и принят учебный план, обеспечивающий достаточно глубокую общетеоретическую и региональную этнографическую подготовку. Это уже названные курсы С. П. Толстова по общей этнографии и М. О. Косвена по истории первобытного общества, общие и специальные кафедральные курсы лекций и семинары, рассчитанные на фундаментальное ознакомление студентов с общими теоретическими проблемами этнографической науки и истории первобытного общества, а также глубокую специализацию по избранному студентом народу, группе народов или теоретической проблеме. Общетеоретическим проблемам был посвящен обширный лекционный курс, читавшийся в течение четырех семестров. В него входили курсы лекций по истории хозяйства первобытного общества (Н. Н. Чебоксаров), истории родовой организации (М. О. Косвен), первобытной религии (С. А. Токарев, Б. И. Шаревская), материальной культуре первобытного общества, сопровождавшиеся семинарскими занятиями (Е. М. Шиллинг). Этот цикл предварял изучение региональных проблем, среди которых можно выделить курс лекций С. А. Токарева по этнографии народов СССР, читавшийся в течение двух семестров. Его значение трудно переоценить не только по полноте сообщаемого эмпирического материала, но в меньшей мере и по глубине методологических и методических установок. Усвоению курса способствовал семинар по народам СССР, во многом помогавший развитию у студентов навыков научной работы.

Важную роль в специализации студентов-этнографов играл цикл лекций по так называемым «странам» — этнографии народов отдельных регионов. В первые послевоенные годы он включал четыре семестровых курса: по этнографии Азии (С. П. Толстов), Австралии и Океании (С. А. Токарев), Западной Европы (Н. Н. Чебоксаров), народов Кавказа (Е. М. Шиллинг). Лекции увлекали студентов, расширяли их кругозор, давали им серьезные знания, тем более что преподаватели не ограничивались данными, почерпнутыми из литературы, а во многом опирались по мере возможности на собственные полевые исследования. Такие лекции студенты слушали на IV курсе — две «страны» на выбор, однако большинство студентов посещали в то время все лекционные курсы.

На III и IV курсах студентам предстояло прослушать ряд специальных курсов и принять участие в работе специальных семинаров, завершавшихся написанием курсовой работы. Специальный курс по этнографии Средней Азии читал С. П. Толстов, по этнографии славянских народов — С. А. Токарев, по русскому народному творчеству — Б. И. Чичеров, по истории материальной культуры славянских народов — Н. Н. Чебоксаров, по тюркским и монгольским народам Сибири — С. А. Токарев, по жилищу народов Кавказа — Е. М. Шиллинг (лекционный курс сопровождался аналогичным семинаром), по народам Западной Европы — Б. И. Шаревская.

С течением времени круг лекций по «странам» и специальных курсов расширился, включив лекции по народам Океании, Америки, Африки, которые

читали как сотрудники кафедры (С. А. Токарев, Б. И. Шаревская), так и приглашенные специалисты из Академии наук. Перед студентами выступали Ю. П. Аверкиева, Д. А. Ольдерогге и др. Широкую популярность среди студентов и аспирантов имели лекции Г. Ф. Дебеца по антропологии.

Среди значительных трудностей, встречавшихся тогда при подготовке специалистов-этнографов, можно назвать недостаток или даже полное отсутствие учебной литературы. Практически единственное, чем располагали студенты, был переизданный еще до Отечественной войны курс лекций по этнографии В. Н. Харузиной, основанный целиком на эволюционистской концепции, а также машинописные экземпляры лекций С. П. Толстова по общей этнографии и народам Азии. Учебник «Этнология» П. Ф. Преображенского студентам не был рекомендован, да и вообще был трудно доступен.

Одним из важнейших принципов подготовки студентов на кафедре, выдвинутых С. П. Толстовым, был комплексный подход, требовавший обязательных для всех будущих этнографов условий: изучения этнографии народов СССР и зарубежных стран и основных проблем первобытного общества; профессиональной подготовки к самостоятельному ведению полевой этнографической работы; и наконец, что особенно существенно, ориентации студентов на научно-исследовательскую деятельность. Последняя выражалась в работах над курсовыми (IV курс) и дипломными сочинениями, причем за годы существования кафедры было защищено немало дипломных работ, мало чем уступающих по качеству кандидатским диссертациям. Кроме того, студенты принимали участие в обработке полевых этнографических материалов, составлении экспедиционных отчетов, что также давало хорошие навыки научной работы. Наконец, важную роль в подготовке студентов-этнографов играло студенческое научное общество. Помимо периодических научных докладов студенты участвовали, участвуют и сейчас, в кафедральных экспедиционных конференциях, на которых подводятся итоги летней работы. Те доклады, которые студенты делают на этих конференциях, обычно связаны с их курсовыми и дипломными работами.

С 1946—1947 гг. благодаря усилиям С. П. Толстова удалось добиться удовлетворительного материального обеспечения студентов в экспедициях, что весьма способствовало широкому развертыванию экспедиционной деятельности, которая с тех пор стала обязательной составной частью подготовки молодых специалистов-этнографов. Несмотря на трудности послевоенного времени, кафедра осуществляла ряд экспедиций с участием преподавателей и студентов. Это Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция С. П. Толстова, Северокавказская, работавшая в Дагестане и Северном Азербайджане под руководством Е. М. Шиллинга, Прибалтийская под руководством Н. Н. Чебоксарова, Подмосковная под руководством Б. И. Шаревской.

После С. П. Толстова, основателя кафедры, возглавлявшего ее до 1951 г., к руководству пришел Н. Н. Чебоксаров (заведовал кафедрой с 1951 по 1956 г.), развивший научную и учебную концепцию, предложенную ранее С. П. Толстовым.

С именем Н. Н. Чебоксарова связано интенсивное развитие разных сторон деятельности кафедры, ее расцвет. Под его руководством дальнейшую и в принципе окончательную разработку получил учебный план кафедры, сохраняющийся с некоторыми изменениями до настоящего времени. Время работы Н. Н. Чебоксарова на кафедре было чрезвычайно плодотворным, что в немалой степени было связано с обаянием его личности, глубокими знаниями, доходчиво доносимыми до студенчества, умением сплотить коллектив сотрудников в единое целое. Одной из задач, поставленных Н. Н. Чебоксаровым, было пополнение кафедры новыми молодыми силами. При всех достоинствах преподавательского состава «старшего» поколения, большая его часть совмещала преподавательскую деятельность с основной работой в Институте этнографии АН СССР. Кроме того, в первой половине 1950-х годов кафедра лишилась нескольких выдающихся преподавателей. В ходе борьбы с так называемым «космополитизмом» был уво-

лен из университета М. О. Косвен, перешла на работу в Институт Африки Б. И. Шаревская, умер Е. М. Шиллинг. Таким образом, пополнение кафедры новыми сотрудниками стало совершенно необходимым. Из числа окончивших при кафедре аспирантуру были приняты на работу в качестве преподавателей К. И. Козлова, М. В. Витов, Г. Г. Громов, Г. Е. Марков. Это позволило расширить тематику предлагаемой студентам специализации и число экспедиций, более тщательно руководить подготовкой молодых специалистов. В соответствии со сложившейся кафедральной традицией, новые молодые сотрудники стремились соединить учебную, научную и экспедиционную работу, и в дальнейшем ими был опубликован ряд монографий и статей.

В годы руководства кафедрой проф. С. А. Токаревым (1956—1973) были достигнуты значительные успехи в подготовке специалистов-этнографов, научно-исследовательской, экспедиционной и других направлениях ее деятельности. Произошло дальнейшее увеличение штатного состава кафедры, хотя в это время она лишилась одного из своих лучших преподавателей — М. В. Витова, перешедшего в конце 50-х годов на работу в Институт истории АН СССР. На кафедру пришли Л. П. Лашук, Л. Б. Заседателева, С. П. Поляков, Г. А. Шпажников, благодаря чему удалось значительно расширить и углубить специализацию по славянским народам, народам Сибири, Средней Азии и Африки, истории первобытной религии.

Работа кафедры в рассматриваемый период отличалась значительной интенсивностью и плодотворностью. Возросло число студентов и аспирантов, обучающихся на ней. Особенно широкий размах приобрела подготовка через аспирантуру специалистов из национальных республик. Кафедра стала настоящей «кузницей кадров» для университетов и академических учреждений республик Средней Азии и Кавказа, Украины, Белоруссии, разных областей РСФСР. На кафедре обучались также многие студенты из самых разных стран мира: КНР, ГДР, Чехословакии, Румынии, Югославии, Албании, Испании, Эквадора, Перу, Вьетнама. Окончили аспирантуру и защитили диссертации граждане ГДР, Вьетнама и других стран. При кафедре было значительное число стажеров из СССР и зарубежных стран (Англии, США, ГДР, Вьетнама и др.).

Связи с Институтом этнографии АН СССР, хотя и несколько ограниченные, осуществлялись главным образом по линии участия сотрудников кафедры в некоторых научных программах института, годичных отчетных экспедиционных сессиях.

Довольно оживленными стали зарубежные связи, прежде всего с социалистическими странами. Преподаватели кафедры читали лекции в университетах ГДР и ЧССР.

Но особенно значительные успехи были достигнуты в создании учебной литературы и научно-исследовательских публикациях.

Первым учебным пособием, подготовленным на кафедре в послевоенные годы, был фундаментальный труд С. А. Токарева «Этнография народов СССР: исторические основы быта и культуры» (1958 г.), до сегодняшнего дня остающийся единственным изданием такого рода. Вслед за этой первой ласточкой в 1966 г. С. А. Токарев публикует учебное пособие «История русской этнографии (до-октябрьский период)», а в 1978 г. — «Истоки этнографической науки (до середины XIX в.)» и «История зарубежной этнографии». Большое значение для подготовки специалистов-этнографов имела книга С. А. Токарева «Ранние формы религии и их развитие». В 1962 г. вышло учебное пособие Г. Г. Громова, К. И. Козловой и Л. П. Лашука «Очерки по этнографии народов СССР (европейская часть)», в 1966 г. Г. Г. Громов выпустил пособие «Методика этнографических экспедиций». В 1963 г. Г. Е. Марков публикует учебное пособие «Народы Индонезии», в 1964 г. выходит в свет пособие К. И. Козловой «Этнография народов Поволжья», а в 1968 г. — пособие «История первобытного общества и основы этнографии», позднее переизданное. И наконец, в 1968 г. коллективом кафедры был создан первый в послевоенное время учебник по общей этно-

графии «Основы этнографии (учебное пособие)» под редакцией С. А. Токарева. Началась систематическая работа по разработке учебных программ к общим и специальным курсам, завершенная уже в начале 80-х годов.

Сотрудники кафедры начали публикацию монографических исследований. М. В. Витов издает «Историко-этнографические очерки Заонежья в XVI—XVII вв». (1962), Г. Е. Марков — «Очерк истории формирования северных туркмен» (1961), К. И. Козлова — «Этнографию народов Поволжья» (1964), Л. П. Лашук — «Формирование народности коми» (1972) и «Введение в историческую социологию» (1977), С. П. Поляков — «Этническую историю Северо-Западной Туркмении в средние века» (1973).

Особенно широкий размах в рассматриваемое время получила экспедиционная деятельность кафедры, охватившая обширные области Советского Союза: экспедиции Л. П. Лашука в Сибирь, К. И. Козловой в Поволжье, Г. Е. Маркова и С. П. Полякова в Среднюю Азию, М. В. Витова и Г. Г. Громова на русский Север, Л. Б. Заседателевой на Северный Кавказ. Участие студентов в экспедициях стимулировало развитие их интересов в области научно-исследовательской деятельности.

Деятельность кафедры этнографии в 70—80-е годы (с 1973 по 1986 г. кафедрой руководил проф. Г. Е. Марков) прошла под знаком дальнейшего совершенствования учебной программы и внедрения некоторых новых идей в процесс преподавания этнографии. Был уточнен учебный план, по-прежнему опиравшийся на принципы, заложенные в основу этнографического обучения С. П. Толстовым, Н. Н. Чебоксаровым и С. А. Токаревым. Более четко были разделены первичный цикл обучения, дававший подготовку по общим теоретическим вопросам этнографии и первобытного общества, и вторичный, рассчитанный на углубленное изучение региональной этнографии. Коллектив кафедры, отвечая на развитие новых направлений в науке, подготовил курсы по социологии, теории этноса, общим проблемам этнографической науки.

В штат кафедры были приняты новые сотрудники: В. В. Карлов, Ю. В. Бромлей, А. А. Никишенков, Ю. И. Зверева.

Определенные успехи были достигнуты в координации работы с Институтом этнографии АН СССР, благодаря чему удалось ввести на III семестре важный для кафедры курс по проблемам общей этнографии. Лекции читали ведущие сотрудники института, что давало студентам необходимый ориентир в новейших актуальных проблемах, разрабатываемых академической наукой, и позволяло определяться в будущей специализации.

Как и в прежние годы, на кафедре проходили подготовку студенты и стажеры из областей и автономий РСФСР, национальных республик, а также из зарубежья. Продолжались педагогическая деятельность работников кафедры в зарубежных университетах и сотрудничество с иностранными научными учреждениями, участие в международных конференциях (Г. Е. Марков, К. И. Козлова, Г. Г. Громов, Г. А. Шпажников, С. П. Поляков, А. А. Никишенков).

Сложившийся на кафедре научно-педагогический коллектив оказался в состоянии вести специализацию студентов почти по всем проблемам теоретической и эмпирической этнографии и истории первобытного общества. При этом сотрудники кафедры специализировались следующим образом: акад. Ю. В. Бромлей — по проблемам этноса и теории этнографии; проф. К. И. Козлова — по угро-финским народам, истории родовой организации; проф. Л. П. Лашук — по народам Сибири, этносоциологии, историографии русской этнографии; проф. Г. Е. Марков — по истории первобытного общества, хозяйства и материальной культуры, кочевничества, народов Средней и Зарубежной Азии; доц. Л. Б. Заседателева — по восточным и южным славянам; доц. Г. Г. Громов — по восточным и западным славянам, народам Америки; ст. науч. сотр. В. В. Карлов — по народам Сибири, социологии; ст. науч. сотр. С. П. Поляков — по народам Средней Азии; ст. науч. сотр. Г. А. Шпажников — по народам Африки и истории

религии; науч. сотр. Ю. И. Зверева — по народам Северного Кавказа и музееведению.

Еще в начале 70-х годов несколько сократилась экспедиционная деятельность кафедры. Однако приток свежих сил позволил в последующие годы ее оживить. В рассматриваемое время действовали экспедиции Г. Е. Маркова (Средняя Азия, Горный Алтай, Восточный Казахстан и другие области), В. В. Карлова (Сибирь), С. П. Полякова (Средняя Азия), А. А. Никишенкова (Бурятия), Л. Б. Заседателевой и Ю. И. Зверевой (Северный Кавказ).

Весьма плодотворной была научно-исследовательская работа. В 1982 г. коллективом сотрудников кафедры и Института этнографии был издан новый учебник «Этнография» под редакцией Ю. В. Бромлея и Г. Е. Маркова. Вышел ряд учебных пособий и монографий: «Очерки этнической истории марийского народа» К. И. Козловой (1978), «Кочевники Азии» (1976) и «История хозяйства и материальной культуры» (1979) Г. Е. Маркова, «Терские казаки» Л. Б. Заседателевой (1974), «Историческая этнография Средней Азии и Казахстана» С. П. Полякова (1980), «Из истории английской этнографии. Критика функционализма» А. А. Никишенкова (1986), ряд справочников по религиям народов мира.

В последние годы в учебной и научной ориентации кафедры стали происходить некоторые изменения (с 1986 г. кафедрой заведует проф. В. В. Пименов). В связи с начавшейся в стране перестройкой был взят курс на приведение преподавания и научных исследований на кафедре в соответствие с новейшими направлениями и методами, разрабатываемыми Институтом этнографии АН СССР. В связи с этим были введены несколько новых курсов по социологии и этнодемографии, а также другим дисциплинам. Наметился определенный крен специализации студентов в сторону изучения этносоциологических проблем, проблем национальных отношений, что нашло отражение в тематике курсовых и дипломных работ, деятельности экспедиций. При кафедре была создана социологическая лаборатория под руководством ст. науч. сотр. А. А. Сусоколова. Силами лаборатории, отчасти и кафедры, в подмосковном совхозе Щапово организована стационарная экспедиция, проводящая этносоциологические и культурологические исследования. Значительное место в тематике экспедиционной деятельности последних лет заняли проблемы межнациональных отношений, изучавшихся в Бурятской экспедиции (руководитель А. А. Никишенков), Азербайджанской (руководитель В. В. Карлов), Горно-Алтайской, Восточно-Казахстанской, Ногайской (руководитель Г. Е. Марков), не говоря уже о специализированной Щаповской (руководители В. В. Пименов, А. А. Сусоколов) и в некоторых других экспедициях.

Однако столь резкий поворот к новой тематике, еще недостаточно апробированной в практике учебного процесса, вызвал известные опасения, связанные с тем, что при ограниченности часов учебного плана новые дисциплины могут потеснить или даже вытеснить предметы, традиционно преподаваемые на кафедре, что может повлечь ухудшение фундаментальности этнографической подготовки. Эти сомнения нашли отражение в дискуссии о задачах преподавания этнографии в высшей школе, прошедшей в 1988 г. на страницах журнала «Советская этнография». В предложенной для обсуждения статье В. В. Пименова делалась установка на значительную переориентацию деятельности кафедры в направлении главным образом изучения роли этнического фактора в реализации НТР, оптимизации межэтнических отношений при социализме, разработки методов прогнозирования этнических процессов и управления ими. Однако практически все участники дискуссии, особенно члены кафедры (К. И. Козлова, Г. Г. Громов, В. В. Карлов, Г. Е. Марков), признавая необходимость совершенствования учебной и научной работы, дальнейшего развития этносоциологического направления, высказались за сохранение в виде приоритетного традиционного направления преподавания, дающего широкую и фун-

даментальную подготовку по этнографии всех народов мира и основам истории первобытного общества¹⁸.

Вместе с тем в последние годы были достигнуты определенные успехи в организации учебной этнографической подготовки. В течение многих лет на историческом факультете для всех студентов-историков во II семестре читался курс, совмещавший основы этнографии и истории первобытного общества. Это, естественно, не позволяло в достаточно полной мере донести до слушателей содержание этих предметов. Теперь положение существенно улучшилось и преподаванию основ этнографии, а также истории первобытного общества отведено по целому семестру. Кроме того, удачно составлены лекционные курсы по народам мира.

Кафедра продолжает оказывать помощь республикам и областям в деле подготовки специалистов-этнографов, на ней обучаются студенты и аспиранты из зарубежных стран. Кроме того, как и во все предшествующие годы, на кафедре специализируются студенты и аспиранты-заочники, составляющие около половины всех обучающихся. На кафедре завершается подготовка к переизданию учебника «Этнография».

За 45 лет — с 1945 по 1990 г. — кафедрой подготовлено около 800 молодых специалистов из числа советских и зарубежных студентов. Более 60 аспирантов кафедры защитили кандидатские диссертации, более 10 ее выпускников стали докторами наук. Трудно назвать все научные учреждения и учебные заведения страны, где работают выпускники кафедры. Прежде всего это, конечно, Институт этнографии АН СССР, кафедра этнографии МГУ, академические институты и университеты союзных и автономных республик, областей РСФСР, музеи, издательства, разного рода государственные и общественные организации.

Проблемы, которые ставит перед нами жизнь, свидетельствуют о настоятельной необходимости привлечения этнографов для обсуждения, а возможно, и решения многих животрепещущих проблем. Это ставит в свою очередь задачу расширения и совершенствования этнографического образования как в Московском университете, так и в других высших учебных заведениях страны, для чего весьма важен 50-летний опыт деятельности кафедры этнографии МГУ.

Примечания

¹ Ануцин Д. Н. На рубеже полутора- и полустолетия // Русский антропологический журнал. 1916. № 1/2. С. 4.

² Markov Genadi E. Die Ausbildung der Ethnographen in der UdSSR // Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift. В., 1977. Н. 18.

³⁻⁴ Отчет I МГУ за 1922 г. М., 1923. С. 10; Токарев С. А. Ранние этапы развития советской этнографической науки (1917 — середина 1930-х годов) // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. V. М., 1971. Tokarev S. A. Ethnographie an der Moskauer Universität in den Jahren 1917—1970 // Ethnologia Slavica. IV. Bratislava, 1972.

⁵ Лашук Л. П., Марков Г. Е. Кафедра этнографии // Историческая наука в Московском университете. 1934—1984. М., 1984. С. 288.

⁶ Там же. С. 289.

⁷ Отчет I МГУ за 1923 г. М., 1924. С. 7—9; Отчет I МГУ за 1924 г. М., 1925. С. 7—9.

⁸ Отчет I МГУ за 1925—1926 гг. М., 1927. С. 240—241.

⁹ Там же. С. 19.

¹⁰ Совещание этнографов Ленинграда и Москвы (5.04—11.04. 1929 г.). Резолюция по докладам Я. П. Кошкина и М. В. Сергиевского // Этнография. 1929. № 2. С. 142.

¹¹ История Московского университета. Т. 2. М., 1955. С. 114.

¹² В отношении партийной «прослойки» этнофак считался одним из самых благополучных в I МГУ. По данным на 1.06. 1926 г., из 77 профессоров и преподавателей факультета 21 были членами партии. См.: Иванова Л. В. У истоков советской исторической науки (подготовка кадров историков-марксистов в 1917—1929 гг.). М., 1968. С. 37.

¹³ Архив АН СССР. Ф. 377. Оп. 1. Ед. хр. 132. Протоколы ячейки содействия обществу историков-марксистов при I МГУ. Л. 1—2.

¹⁴ Струве В. В. Советская этнография и ее перспективы // Советская этнография. Сб. статей. 1939. № 2. С. 5.

¹⁵ Профессор А. М. Золотарев после возвращения из плена был направлен в концентрационный лагерь и там погиб.

¹⁶ См., например, *Толстов С. П.* Нацмены Ц. П. О. I отчетная выставка работ этнологического подотдела Государственного музея Центральнопромышленной области. М., 1928; Введение в советское краеведение. М.; Л., 1932; Изучение социально-бытового уклада в национальных регионах // Сов. краеведение. 1935. № 9; *Косвен М. О.* Матриархат. История проблемы. М.; Л., 1948; *его же.* Очерки истории первобытной культуры. М., 1953; 2-е изд. М., 1957; *его же.* Семейная община и патронимия. М., 1963.

¹⁷ *Токарев С. А.* Докапиталистические пережитки в Ойротии. М.; Л., 1936; *его же.* Общественный строй якутов XVII—XVIII вв. Якутск, 1945; *его же.* Пережитки родового строя у алтайцев // Тр. Ин-та этнографии АН СССР. М., 1947. Т. 1; *его же.* Ранние формы религии и их развитие. М., 1964; *Золотарев А. М.* Пережитки тотемизма у народов Сибири. Л., 1934; *его же.* Происхождение экзогамии // Изв. Академии истории материальной культуры. Т. X. Вып. 2—4. Л., 1935; *его же.* Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964.

¹⁸ См. Сов. этнография. 1988. № 3, 4, 6.

© 1990 г.

Д. Д. Тумаркин, И. К. Федорова

Н. Н. Миклухо-Маклай и остров Пасхи *

Выдающийся русский путешественник и ученый-гуманист Н. Н. Миклухо-Маклай получил известность главным образом благодаря своим пионерным исследованиям на Новой Гвинее, где он провел в общей сложности более трех лет¹. Однако в 1870—1880-годах он посетил также многие другие острова Меланезии, Полинезии и Микронезии, что принесло значительные научные плоды. В этом сообщении мы попытаемся осветить его вклад в изучение традиционной культуры жителей острова Пасхи (Рапануи).

В ноябре 1870 г. из Кронштадта вышел корвет «Витязь», посланный на соединение с русской эскадрой на Тихом океане. В соответствии с просьбой Русского географического общества он должен был доставить на Новую Гвинею натуралиста Николая Миклухо-Маклая. Пока «Витязь» шел от Копенгагена до Плимута, ученый посетил несколько городов в Германии, Бельгии, Голландии и Великобритании. Там он встречался с видными учеными и официальными лицами, чтобы получить рекомендательные письма и консультации по интересовавшим его научным проблемам, приобретал недостающее экспедиционное оборудование².

В Берлине Миклухо-Маклай беседовал с известным путешественником и этнологом Адольфом Бастианом, и тот привлек его внимание к опубликованному в немецком географическом журнале письму чилийского ученого Рудольфо Амандо Филиппи. В письме сообщалось, что в руководимый им музей в Сантьяго поступили две деревянные дощечки с таинственными письменами, привезенные в 1870 г. чилийской экспедицией на корвете «О'Хиггинс» с острова Пасхи. Филиппи цитировал отчет начальника этой экспедиции Игнасио Л. Ганы, который выражал надежду, что эти письмена, будучи расшифрованы, помогут пролить свет как на происхождение островитян Южных морей, так и на их исторические связи с коренным населением Америки. Гана утверждал, что жителям острова Пасхи теперь неизвестно не только содержание вырезанных на дощечках текстов, но даже само назначение этих дощечек³. К письму Филиппи, опубликованному в журнале, была приложена фотолитография одного из оттисков с табличек, сделанных на промокательной бумаге и станиоле.

* В основу сообщения положен доклад, прочитанный на VI Интерконгрессе Тихоокеанской научной ассоциации (Вальпараисо, август 1989 г.).